

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.28>

Любимова Елизавета Андреевна

ИЗОБРАЖЕННАЯ ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ В СТРУКТУРЕ РОМАНА ГРЭМА ГРИНА "СИЛА И СЛАВА" ("THE POWER AND THE GLORY")

В статье проводится диктемный анализ наиболее значимых отрывков изображенной внутренней речи католического священнослужителя в романе Грэма Грина "Сила и слава" и выделяется ведущая роль синтаксических выразительных средств, которые персонифицируют образ главного героя и являются стилистическими маркерами в оформлении внутренней речи. Сам персонаж рассматривается как литературоведческая категория, что позволяет дать этому явлению полную характеристику. Профессиональная речь священнослужителя представлена и проанализирована в рамках аутокоммуникации. Также особое внимание автор акцентирует на таких жанрах внутренней речи, как исповедь падре самому себе и молитва о спасении души и вечной жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 1. С. 120-125. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
10. Курилова С. Н. Интеграция тунгусизмов в языке тундровых юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (61). Ч. 2. С. 120-122.
11. Новикова К. А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков / под ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1972. С. 104-150.
12. Новикова К. А. Лексика эвенского языка // Народы и языки Сибири: сб. статей / отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск: Наука, 1980. С. 125-135.
13. Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранных десницею Ее Всевысочайшей особы: в 2-х т. СПб., 1787. Т. I. 240 с.; 1789. Т. II. 511 с.
14. Полевой материал автора Р. П. Кузьминой. Интервью в с. Андрыушкино Республики Саха (Якутия): записано 7 апреля 2015 г.
15. Саввинова С. Н. Якутская заимствованная лексика в эвенском языке: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2010. 177 с.
16. Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.
17. Цинциус В. И. К сравнительному изучению основного словарного фонда тунгусо-маньчжурских языков // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. 1954. Т. 101. С. 283-295.
18. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Наука, 1947. 270 с.

YUKAGHIR BORROWINGS IN THE LOWER KOLYMA DIALECT OF THE EVEN LANGUAGE

Kuz'mina Raisa Petrovna, Ph. D. in Philology
*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
raisakuzmina2013@yandex.ru*

The article describes Yukaghir borrowings in the Lower Kolyma dialect of the Even language, which have not been previously studied by specialists in Even philology. The author introduces new linguistic material on Yukaghir borrowings, in particular from its tundra dialect, into scientific use. The study is based on analyzing Yukaghir borrowings in the language of the Lower Kolyma Evens, this process is represented at all linguistic levels and is characterized by a number of specific features. The study of Yukaghir borrowings is conducted on the basis of the author's field material gathered in the villages Andryushkino and Kolymskoye of the Lower Kolyma ulus of the Sakha Republic (Yakutia) (2013-2015).

Key words and phrases: lexical structure; Lower Kolyma dialect; dialecticisms; Even language; interference; semantics.

УДК 8; 81

Дата поступления рукописи: 19.12.2017

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.28>

В статье проводится диктемный анализ наиболее значимых отрывков изображенной внутренней речи католического священнослужителя в романе Грэма Грина «Сила и слава» и выделяется ведущая роль синтаксических выразительных средств, которые персонифицируют образ главного героя и являются стилистическими маркерами в оформлении внутренней речи. Сам персонаж рассматривается как литературоведческая категория, что позволяет дать этому явлению полную характеристику. Профессиональная речь священнослужителя представлена и проанализирована в рамках аутокоммуникации. Также особое внимание автор акцентирует на таких жанрах внутренней речи, как исповедь падре самому себе и молитва о спасении души и вечной жизни.

Ключевые слова и фразы: изображенная внутренняя речь; диктемный анализ; «затекстовая» ситуация; антропоцентричность; прямая речь; авторское повествование; аутокоммуникация; христианские деноминации; природное двуязычие народа.

Любимова Елизавета Андреевна

*Московский педагогический государственный университет
lyubimovaelizaveta@mail.ru*

ИЗОБРАЖЕННАЯ ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ В СТРУКТУРЕ РОМАНА ГРЭМА ГРИНА «СИЛА И СЛАВА» (“THE POWER AND THE GLORY”)

В настоящее время понятию «языковая личность» в языкознании и литературоведении отводится особое место. Это связано с повышенным вниманием науки к человеку не только как члену общества, но и как неповторимому, уникальному представителю той или иной лингвокультуры. Особенно четко это можно видеть в современной художественной литературе, которая становится все более антропоцентричной.

Личностные особенности выражаются через речь: внутреннюю и внешнюю. Эти же явления можно назвать аутокоммуникацией, то есть внутренней речью, и внешней коммуникацией – речью, направленной к некоему собеседнику или собеседникам. В сфере аутокоммуникации выделяются озвученная внутренняя речь и неозвученная, «немая» внутренняя речь [4, с. 6].

Также важным понятием нашего исследования является «природное двуязычие народа», то есть разделение общенародного языка на два подъязыка: витальный и имагинальный. Первый – это язык живого, каждодневного общения, второй – язык художественный, эстетический, выразительный. Автор, создающий литературное произведение и использующий «выразительный контраст», возбуждает воображение, воздействует, а нередко и убеждает читателя в правоте своих суждений [2, с. 6].

Актуальность данной статьи связана с научным интересом лингвистов к всевозможным вариантам профессиональной речи, то есть речи представителей той или иной профессии. Особо интересным когнитивно-лингвистическим феноменом выступает внутренняя речь. Изучение этого явления обусловлено потребностью современного общества в понимании когнитивных процессов, лежащих в основе межличностной коммуникации, и в дальнейшем послужит инструментом для разработки эффективных нейролингвистических техник.

Научная новизна представляется рассмотрением внутренней речи священнослужителя – персонажа литературного произведения – в рамках аутокоммуникации, чему до сегодняшнего дня не уделялось особого внимания.

Цель этой статьи – провести диктемный анализ наиболее значимых отрывков изображенной внутренней речи «пьющего падре» в романе «Сила и слава». Подробнее мы рассмотрим такие жанры внутренней речи, как исповедь священника самому себе и молитва.

Для достижения поставленной цели необходимо разделить важнейшие отрывки внутренней речи главного персонажа на диктемы (строевые элементы текста) и провести наиболее подробный анализ в рамках коммуникативно-парадигматической научной школы. М. Я. Блох выделяет следующие функционально-семантические типы диктем: *диктема-повествование*, *диктема-описание* и *диктема рассуждение* [4]. Следовательно, мы будем рассматривать диктемы, формирующие внутреннюю речь персонажа художественного произведения исходя из целеполагания автора.

Что касается выбора профессиональной сферы описываемой языковой личности, то профессиональные и индивидуальные языковые свойства священников по праву можно назвать особым предметом лингвистического исследования, так как деятельность служителей прихода имеет особое влияние на прихожан, но не ограничивается только религиозными функциями. С самого начала формирования церкви как института сложилась весьма обширная сфера деятельности служителей культа. Это миссионерская деятельность, гомилетика, разработка и систематизация религиозных догматов, дела благотворительности и милосердия, строительство или восстановление храмов. Мы сконцентрируем внимание и проведем разбор одного из аспектов профессиональной речи, а именно – аутокоммуникации.

Объектом нашего исследования выступает роман известнейшего писателя Грэма Грина «Сила и слава» [10]. Специалисты по творчеству Грэма Грина обычно оставляют особое место этому произведению, в котором основное внимание автора сконцентрировано на скитаниях священника по стране, отринувшей веру. Поскольку падре не может открыто проповедовать и совершать обряды, вся его духовная жизнь сосредоточена в нем самом, в его молитвах, обращениях к Господу и размышлениях о подготовке своей души к переходу в мир иной. Эта внутренняя жизнь и ее внутренние речевые проявления и будут составлять основной, предметный интерес этой статьи.

На протяжении всей истории литературы священнослужители играли особую роль при создании канвы того или иного произведения. Почти во всех произведениях англоязычной культуры они представляли собой моральный и духовный ориентир для других персонажей, являлись представителями той или иной конфессии или деноминации.

Все без исключения священники, описанные в англоязычной литературе, пытались, в первую очередь для себя, ответить на вопросы: «В чем состоит долг священнослужителя?», «Какова роль церкви в современном обществе?», «Как помочь людям и себе спасти души для жизни вечной?». Грэм Грин в романе «Сила и слава» создает неповторимый образ бесконечно честного и любящего свою паству падре, который, несмотря на свои прегрешения и недостатки и вопреки всем преградам, исполняет свой духовный долг до конца [8].

Необходимо отметить, что Грин выстраивает повествование таким образом, что читатель не сразу может собрать все черты главного героя воедино, поэтому целостность личности «пьющего падре» оформляется только к концу романа [6, с. 198].

Читатель узнает все о прошлом священника и его душевных исканиях непосредственно от самого падре через его внутреннюю речь. Итак, с самого начала читатель может видеть, что у героя нет имени – своеобразный символ того, что католическая церковь обезличена и никому не нужна. Святой отец прекрасно осознает отношение паствы к себе и сам ненавидит себя за свою ничтожную слабость – злоупотребление спиртными напитками, из-за чего он и получает прозвище «пьющий падре». Отметим, что зачастую внутренние переживания и раскаяния героя соединены с описанием одного или нескольких смертных грехов. Самым первым грехом, в котором падре кается, является уныние. Это самый страшный из грехов, так как отчаяние ведет ко всем остальным:

...for he had got over despair too. He was a bad priest, he knew it: they had a word for his kind – a whisky priest – but every failure dropped out of sight and out of mind: somewhere they accumulated in secret – the rubble of his failures. One day they would choke up, he supposed, altogether the source of grace [10, p. 71]. / ...потому что и отчаяние не осталось. Священник он плохой – он знал это; таких называют «пьющий падре», но теперь все его прегрешения ушли из сердца и из памяти. Где-то они незаметно скапливаются, эти обломки его прегрешений, и когда-нибудь, наверно, совсем забудут источник благодати [5, с. 32].

Этот отрывок является внутренним монологом, который формирует несколько диктем-рассуждений. Первая диктема представляет собой рассуждение, где главный герой вспоминает тяжелый период своего отчаяния и понимает, что он не самый лучший представитель своей профессии. Эта единица представлена одним предложением, коротким, но весьма хлестким по содержанию. Употребление фразового глагола “to get over” – «преодолеть, закончить» в данном случае подчеркивает, что герой смог перебороть себя. Вторая диктема – это своего рода признание. Падре успокаивает себя тем, что все проступки быстро забылись (“out of sight out of mind”). Безусловно, герой осознает, что грехи, в тексте иносказательно названные “the rubble of his failures”, не проходят бесследно, они накапливаются и не позволяют тянуться к свету, к источнику благодати – “choke up the source of grace”. Грэм Грин сознательно соединяет в одном предложении разговорный фразовый глагол “to choke up” с метафорой “the source of grace”. Автор как бы отстраняется от хода мысли героя, вводя статичные глаголы “to know” и “to suppose” между фрагментами прямой речи. Благодаря этому читатель понимает, что, преодолев отчаяние, пускай и не полностью, герой продолжает идти за Творцом. В этом эпизоде мы видим, что падре остается священнослужителем и смиряется с таким положением вещей.

В своем следующем внутреннем монологе падре думает о побеге из Мексики, где преследуются все, кто верен Христу и церкви. Этот отрывок особенно интересен описанием того, что происходит даже со священнослужителем в эпоху неверия и безбожия. Первая часть отрывка представляет собой прямую внутреннюю речь с параллельными структурами. Не случайно автор начинает каждое предложение аутокоммуникации с местоимения “I” и вводит пассивный залог. Это своеобразный переход от описания уныния к описанию гордыни, в чем читатель своевременно убедится. В данном отрывке Грин не использует слово “pride”, оно появляется только в следующем эпизоде:

He thought: If I go, I shall meet other priests: I shall go to confession: I shall feel contrition and be forgiven: eternal life will begin for me all over again. <...> The simple ideas of hell and heaven moved in his brain; life without books, without contact with educated men, had peeled away from his memory everything but the simplest outline of the mystery [10, p. 80]. / Он подумал: если я уйду, то встречу где-нибудь других священников, они исповедуют меня, я покаюсь, получу отпущение грехов, и снова передо мной будет вечная жизнь. В голове у него бродили простые мысли об аде и рае. Жизнь без книг, без общения с образованными людьми вышлудила из его памяти все, кроме простейших понятий о тайне Бога [5, с. 35].

Герой оправдывает себя, свою трусость, желание убежать, но вместе с тем хочет покаяния, отпущения грехов и жизни вечной, которая «снова у него будет». Священник только приблизительно помнит «идеи ада и рая», о чем сожалеет больше, чем о невозможности проповедовать пастве Слово Божие.

Следующий эпизод-откровение укрепляет читателя в мысли о том, что главный герой безмерно горд. Служитель культа понимает, что его гордыня стала еще больше с тех пор, как он остался единственным священником в округе. С осознанием того, что сопровождающий его метис все же предатель, его гордыня удвоилась. Аллюзия “the sin by which the angels fell” введена не случайно, в данном контексте она подчеркивает, что это самая сильная страсть главного героя:

This was pride, devilish pride, lying here offering his shirt to a man who wanted to betray him. Even his attempts at escape had been half-hearted because of his pride – the sin by which the angels fell [10, p. 95]. / ...валяется здесь и предлагает свою рубашку человеку, который хочет предать его, это гордыня, сатанинская гордыня. Даже в попытках побега ему не хватало решительности, а все его гордыня – грех, из-за которого пали ангелы [5, с. 51].

Эпизод молитвы о прощении начинается с прямой речи и построен на антитезе. С одной стороны, уныние, гордыня привели падре к похоти и жадности: у героя растет дочь, он зависим от алкоголя и властен, с каждого прихода хочет собрать как можно больше монет. С другой стороны, герой молится больше не о себе, а о простых людях, которые его спасли, людях, которые достойны настоящего мученика, коим он не является. Далее интересен переход к авторской речи, которая является вкраплением между молитвой и риторическим вопросом, проходящим через весь роман: «Что я должен делать?». Этот вопрос, который представляет собой финальный аккорд, задавали себе все священники, когда-либо терпевшие гонения за веру. Только самый любящий и терпеливый священник может желать своим несчастным подопечным встречу с настоящим Святым мучеником, который был бы благословением и молил бы о них Отца Небесного.

“Oh God, forgive me – I am a proud, lustful, greedy man. I have loved authority too much. These people are martyrs – protecting me with their own lives. They deserve a martyr to care for them – not a fool like me, who loves all the wrong things. Perhaps I had better escape – if I tell people how it is over here, perhaps they will send a good man with a fire of love...” as usual his self-confession dwindled away into the practical problem – what am I to do [10, p. 121]? / «Господи, прости мне мою гордыню, похоть, алчность. Я слишком любил власть. Люди, защищающие меня ценой жизни, – вот кто мученики. И служить им должен мученик, а не безумец, который любит не то, что должно любить. Может, мне лучше бежать... если я поведаю людям, как здесь тяжко, может, сюда пришлют хорошего священника с пламенем любви в сердце?...» – И как всегда, его покаяние закончилось практическим вопросом: что же теперь делать [5, с. 51]?

В самом начале третьей, завершающей части романа писатель вводит в повествование новых персонажей. Это немцы-лютеране, которые в своем доме укрыли главного героя от преследования. Мисс и мистер Лер – брат с сестрой, покинувшие Германию по соображениям совести. Хозяин дома сразу подчеркивает свое отношение к войне в целом и военной диктатуре в частности: *I was never a soldier. I disapprove. / Я никогда не служил в армии. Я не одобряю... [5, с. 86; 10, p. 53].* Этот эпизод встречи двух христиан – представителей разных деноминаций интересен не только с идеологической точки зрения, но и с точки зрения

стилистики. Фрагмент противопоставляет протестантское и католическое мировоззрение и вместе с тем подчеркивает, что цели у всех христианских деноминаций одни и те же – Царство Небесное. Грэм Грин строит главу на непрерывном диалоге падре и мистера Лера с множеством мини-вкраплений внутренней речи главного героя. Обратимся к эпизоду пробуждения в доме протестантов. Это люди среднего возраста, весьма аккуратные и заботливые. Первое, что герой замечает, – это лицо хозяина, и про себя падре делает следующий комментарий: *...he had a shrewd lined idealistic face. You needed to be shrewd in this country if you were going to retain any ideals at all: he was cunning in the defence of the good life* [10, p. 207]. Интересна и интерпретация переводчиком слова “cunning” – «хитрый» и «хитрить», читатель русского варианта романа видит такой вариант: *Лицо у него было все в хитрых морщинках – лицо идеалиста. В этой стране без хитрости не прожить, если хочешь сохранить хоть какие-нибудь идеалы: он изворачивался, охраняя свою добропорядочную жизнь* [5, с. 86]. В русском языке слово «изворачиваться» имеет негативную коннотацию, что подчеркивает двойственность ситуации. Безусловно, падре оказался в доме христиан, но не собратьев-католиков, а своего рода духовных соперников – протестантов. Это ставит его в неудобное положение, единственное, что может спасти его репутацию как католика и, важнее всего, настоящего христианина – это благодарность и смирение. Святой отец обещает поскорее выздороветь, причастить и исповедовать всех, кто пожелает, а затем покинуть хозяев. Мистер Лер говорит, что он и его сестра – лютеране, они не одобряют роскоши католической церкви и других, «несущественных» (“inessentials”) вещей, таких как пост. Перед глазами героя сразу же всплыла яркая картина из прошлой жизни: *Yes, he remembered like something in his childhood that there had been a time when he had observed these rules... he had lived very easily once, and here he was, already settling down to idleness again* [10, p. 212]. / Да, он вспомнил, будто из далекого детства, что такое было, когда-то он соблюдал эти правила... ведь когда-то ему действительно жилось привольно, и теперь он снова готов погрузиться в праздность [5, с. 86].

В этой диктете-рассуждении основной доминантой является фразовый глагол “settle down” – «успокаиваться, погружаться в праздность» и слово “again” – «снова». Автор очень тонко показывает различия между католическим священником и лютеранами. В поведении протестанта мы видим внешнее пуританство, упрек в роскоши. С внутренней стороны верх берет все же “defence of good life”. Со стороны католического клирика читатель видит оправдание пресловутой «роскоши» и внутренний стыд за дни, проведенные в постели, за желание успокоиться и перестать проповедовать, начать жить комфортно.

Находясь в доме мистера Лера, герой не переставал удивляться отличиям в понимании Писания и целям молитвы у католиков и протестантов. Для этого автор вводит одну очень значимую деталь, дающую представление об утилитарном отношении протестантов к Господу. Взяв в руки Библию, которая находилась на прикроватном столике, святой отец увидел на форзаце наклейку с перечнем текстов. Если человек находится в трудной жизненной ситуации или хочет чего-то попросить, ему следует только найти нужную проблему в списке, прочитать определенный псалом или послание. Не случайно писатель использует только условные предложения и повелительное наклонение в этой рекомендации. Эпизод сжат и лаконичен, как и формулировка цели молитвы. Про себя падре начал читать и осознавать, что лютеране читают псалмы не для прославления Отца Небесного, а для того, чтобы получить то, что нужно: *If you are in trouble read (если Вас постигла беда, читайте псалом 34) – Psalm 34; If trade is poor (если дела Ваши плохи) – Psalm 37; If very prosperous (если Вы процветаете) – I Corinthians, x, xii; If overcome and backsliding (если Вы в унынии и отпадаете от веры) – James I. Hosea xiv: 4-9; If tired of sin (если Вас одолевают грехи) – Psalm 51. Luke xviii: 9-14; If you desire peace, power, and plenty (если Вы жаждете мира, силы и изобилия) – John xiv; If you are lonesome and discouraged (если Вы одиноки и вам не хватает мужества) – Psalms 23 and 27; If you are losing confidence in men (если Вы теряете веру в людей) – I Corinthians, xiii; If you desire peaceful slumbers (если Вы жаждете мирных снов) – Psalm 121.*” [5, с. 88; 10, p. 213]. Служитель культа весьма четко представил себе эти картины в голове и не мог не заметить, что в книге есть только один текст во славу Божию [11, p. 450].

Как священник герой выполняет свой долг перед местными прихожанами: крестит новорожденных, причащает паству и служит мессе. Кто-то из прихожан приносит вино для причастия и немного бренди. Выпив стакан и в очередной раз возненавидев себя за эту страсть, священник думает: *What a pay-actor I am. I have no business here, among good people* [10, p. 217]. / Какой я комедиант! Мне нечего делать здесь среди хороших людей [5, с. 90]. Его самого приводит в ярость роль «платного актера», он понимает, что недостойно служить простым и честным людям. Когда подходило время прощаться и ехать в Лас Касас, падре понимает, что эта лютеранская семья сделала для него все, что смогла, рискуя свободой и жизнью. После отъезда падре думает: *How odd it had seemed at first to be treated as a guest, not as a criminal or a bad priest. These were heretics – it never occurred to them that he was not a good man: they hadn't the prying insight of fellow Catholics* [10, p. 225]. / Странно было почувствовать вначале, что в тебе видят гостя, а не преступника или пьющего падре. Эти люди еретики, но им и в голову не приходило, что он плохой человек; они не лезли ему в душу, подобно его собратьям-католикам [5, с. 93].

Эта диктета-рассуждение внутренней речи завершает эпизод в доме протестантов, дальше последуют дорога, тюрьма и казнь. Отец понимает, что это еретики, но он тут же подчеркивает, что они видели в нем гостя, а не преступника или дурного пастыря. Более того, эти люди не лезли в душу, как его же собратья-католики. Этот эпизод дает читателю еще один повод подумать, что все существующие христианские деноминации идут ко Христу, но иногда разными путями.

Затем автор подводит читателя к самой важной и завершающей части романа – исповеди падре самому себе. Герой прекрасно понимает, что его ждет смертная казнь. Он не обижается на то, что другой священник,

падре Хосе, пренебрег его просьбой прийти и причастить его. Особый интерес представляет тот факт, что это не внутренний озвученный монолог, а озвученный внутренний диалог. Адресатом в данном случае является отсутствующий собеседник, то есть реально существующий человек, в данном случае священник, но с которым невозможно общение. Автор вводит прямую речь, подчеркивая переход в сознании падре от формальной исповеди, которую он не раз слышал от своих прихожан, к искреннему покаянию. Сидя на полу с бутылкой бренди в руках, герой начинает исповедь шепотом. Как служитель церкви он не говорит мирским языком, а использует язык церкви. Безусловно, читатель чувствует разницу между формальной фразой «Я предался блуду» и человеческим «Я спал с женщиной».

He said: "I have committed fornication." The formal phrase meant nothing at all: it was like a sentence in a newspaper: you couldn't feel repentance over a thing like that. He started again: "I have lain with a woman," and tried to imagine the other priest asking him: "How many times? Was she married?" "No" [10, p. 232]. Необходимо обратить внимание на то, что внутренняя речь героя сливается с речью автора, формируя вкрапления непосредственно-прямой речи: *Эта формальная фраза ничего не значила, она была как газетный штамп и раскаивания вызвать не могла. Он начал снова... «Я спал с женщиной», – и представил себе, как стал бы спрашивать его священник: «Сколько раз? Она была замужем?» – «Нет» [5, с. 111].* Безусловно, падре пытался представить настоящую исповедь, поэтому проговаривал реплики священника и сам же на них отвечал.

Исповедь продолжается внутренней неозвученной речью, словами о долге перед Господом и перед паствой. Автор начинает с прямой речи, использует повторы и паузы, что позволяет читателю самому продумать и вспомнить деяния падре.

He thought: If I hadn't been so useless, useless... the eight hard hopeless years seemed to him to be the only a caricature of service: a few communions, a few confessions, and an endless bad example. He thought: If I had only one soul to offer, so that I could say: Look what I've done... People have died for him: they have deserved a saint, and a tinge of bitterness spread across his mind for their sake that God hadn't thought fit to send them one. <...> He thought of the cold faces of the saints rejecting him [10, p. 233]. / Он думал: будь от меня хоть какая-нибудь, хоть малейшая польза! Последние восемь лет – тяжелых, безнадежных – оказались ему теперь карикатурой на пастырское служение: считанные причастия, считанные исповеди и бесчисленное количество дурных примеров. Он подумал – если б я спас хоть одну душу и мог бы сказать: вот, посмотри на мои дела... Люди умерли за него, а им бы надо умереть за святого – и горькая обида за них затуманила ему мысли, ибо Бог не послал им святого. <...> Перед ним предстали холодные лица святых, отвергающих его [5, с. 111].

В первой части внутреннего монолога писатель, как мы уже сказали, использует прямую речь и специально оставляет предложение падре незаконченным. Далее Грин переходит на косвенную речь и использует глагол мыслительной деятельности «to seem», за которым следуют неполные предложения – «считанные причастия, считанные исповеди и бесчисленное количество дурных примеров». Следующая диктема начинается также с прямой речи. Отметим, что предложения непосредственно прямой речи являются условными по форме. Герой, осознав свои ошибки, подводит итог и рассуждает о том, что он мог бы сделать для спасения своей души и душ своих прихожан. Падре повторяется, опять жалея о том, что его пастве достался не святой. Символично и последнее предложение: «Перед ним предстали холодные лица святых, отвергающих его», – так как оно завершает диктему-рассуждение и абзац, но не предлагает никакого ответа.

Немногие знают, что, будучи рожденным в англиканской вере, Грэм Грин в двадцать два года принял католицизм. Впоследствии биографы писателя говорили, что он разочаровался и в западной цивилизации, и в коммунистических идеях «третьего мира», но в чем он никогда не сомневался – это в огромной силе и безграничной любви католической церкви [9, p. 57].

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что внутренняя речь главного героя, оформленная прямой речью, является главным синтаксическим средством воплощения внутреннего мира героя и ярчайшей особенностью романа «Сила и слава». Будучи священнослужителем в гонении, «пьющий падре» не перестает молиться за паству, тайком исповедуя и причащая прихожан. Он раскаивается в смертных грехах, борется с ними, просит Христа о помощи и прощении. Его преданность профессии и людям, которым он служит, находит отражение в его благодарственных обращениях к Господу и молитвенном подвиге. Как никто другой, герой понимает, что такое духовное подвижничество облегчает бремя людей, находящихся под гнетом бедности и террора безбожников. Другие синтаксические и стилистические средства, такие как условные и эллиптические предложения, аллюзии, повторения вводных слов, антитезы, не только формируют сам образ и помогают читателю понять мотивацию персонажа, но и позволяют сопереживать падре в момент кризиса веры. Безусловно, особую описательную роль играют церковные термины и каноны ведения вторичных религиозных жанров: проповеди и исповеди. Так, в своей последней исповеди, которая является кульминацией романа и ярким образцом озвученной внутренней речи, герой словно раздваивается, пытаясь быть и прихожанином, и исповедником. Филигранно переданный автором эпизод позволяет читателю вникнуть в суть призвания священнослужителя и понять, что, каковы бы ни были внешние обстоятельства, внутренне пастырь должен быть верным Христу и своим подопечным.

Список источников

1. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56-67.
2. Блох М. Я. Коммуникативная ответственность в условиях информационной революции // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы Девятой научной конференции с международным участием. М. – Коломна, 2016. Вып. 9. С. 6-9.

3. **Блох М. Я.** Теоретические основы грамматики. Изд-е 5-е, испр. и доп. Дубна: Феникс+, 2016. 248 с.
4. **Блох М. Я., Сергеева Ю. М.** Внутренняя речь в структуре художественного текста: монография. М.: МПГУ; Прометей, 2011. 180 с.
5. **Грин Г.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Художественная литература, 1993. Т. 2. Сила и слава (1940). Суть дела (1948). Конец одной любовной связи (1951) / пер. с англ. Н. Волжиной. 607 с.
6. **Королева М.** Принципы создания образной системы романа Г. Грина «Сила и слава» // Балтийский филологический курьер. 2009. № 7. С. 197-208.
7. **Сергеева Ю. М.** Коммуникативные типы предложений внутренней речи в англоязычной художественной литературе // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. № 4 (66). С. 160-169.
8. **Языкович В. Р.** Религия и ментальность [Электронный ресурс] // Репозиторий Белорусского государственного университета культуры и искусств. URL: <http://repository.buk.by/123456789/15887> (дата обращения: 07.03.2018).
9. **Bosco M.** From “The Power and the Glory” to “The Honorary Consul”: The Development of Graham Greene’s Catholic Imagination // Religion & Literature. 2004. Vol. 36. № 2. P. 51-74.
10. **Greene G.** The power and the glory [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.226006> (дата обращения: 07.03.2018).
11. **Hoggart R.** The Force of Caricature: aspects of the art of Graham Greene, with particular reference to “The power and the glory” // Essays in Criticism. 1953. Vol. III. Iss. 4. P. 447-462.
12. **Patten K.** The Structure of “The Power and the Glory” // Modern Fiction Studies. 1957. Vol. 3. Iss. 3. P. 225-234.

PRIEST’S REPRESENTED INNER SPEECH IN THE STRUCTURE OF G. GREENE’S NOVEL “THE POWER AND THE GLORY”

Lyubimova Elizaveta Andreevna
Moscow State Pedagogical University
lyubimovaelizaveta@mail.ru

The article provides the dictemic analysis of the most significant fragments of the catholic priest’s represented inner speech in G. Greene’s novel “The Power and the Glory” and identifies the key role of syntactical expressive means, which personify the main character’s image and are stylistic markers in the arrangement of inner speech. The personage himself is considered as a philological category that allows the researcher to provide a detailed description of this phenomenon. The priest’s professional speech is presented and analyzed within the framework of self-communication. Special attention is paid to such genres of inner speech as the padre’s self-confession and prayer about soul salvation and eternal life.

Key words and phrases: represented inner speech; dictemic analysis; “extra-textual” situation; anthropocentricity; direct speech; author’s narration; self-communication; Christian denominations; natural bilingualism of nation.

УДК 81-2; 299.513; 94

Дата поступления рукописи: 03.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.29>

Статья посвящена анализу лексических единиц, обозначающих пространство, в даосском трактате «Рассуждения о грезях» («Мэн шо», XIII в.). Авторы обращаются к современным исследованиям, посвященным лексическим единицам, обозначающим пространство, и приходят к выводу, что в китайском языке нет однозначного понимания в способах выражения данных лексических единиц, потому что в различных текстах пространственную функцию могут выполнять различные лексические единицы китайского языка в зависимости от особенностей анализируемого текста. Авторы описывают функцию лексических единиц, с помощью которых фиксируются культурно маркированные пространственные образы в трактате «Рассуждения о грезях», а также ряде других даосских текстов, и сравнивают с особенностями повседневного употребления лексических единиц, обозначающих пространственные значения.

Ключевые слова и фразы: экспликаторы пространства; топос; культурная семантика; китайская языковая картина мира; даосизм; мистицизм.

Маслов Алексей Александрович, д.и.н., профессор
Национальный университет «Высшая школа экономики», г. Москва
amaslov@hse.ru

Просвиркина Ирина Ивановна, д. пед. н., доцент
Агарева Марианна Владимировна
Оренбургский государственный университет
prosvirkina.irina@yandex.ru; mva777z@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРОСТРАНСТВО В КИТАЙСКИХ ДАОССКИХ ТЕКСТАХ «О СНАХ И ГРЁЗАХ»

Лексические единицы языка отражают этнокультурные коды того пространства, в котором осмысливает своё существование человек. Данной проблеме посвящены исследования М. М. Бахтина, А. Вежицкой,